
ИГОРЬ СКАКУН
ШЕСТЬ СИЛ
Повесть

Игорь Скакун

Шесть сил.

«Автор»
2026

Скакун И. В.

Шесть сил. / И. В. Скакун — «Автор», 2026

Павел устал жить под давлением страха, желаний и нескончаемых чужих ожиданий. В записях умершего отца он находит способ по очереди отвести от себя шесть сил, управляющих человеком. Первые перемены кажутся освобождением: больше нет робости, зависти и мучительного ожидания. Но вместе с ними уходят обещания, любимое дело и тепло к самым близким. Последний опыт оставляет его перед знакомым лицом, к которому он ничего не чувствует. Сможет ли он вернуться, когда одного раскаяния уже недостаточно?

© Скакун И. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужим голосом 5
Глава 2. Под козырьком 8
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Игорь Скакун
Шесть сил.

Глава 1. Чужим голосом

В тот вечер я ещё боялся, что Нина уйдёт.

Она стояла у кухонного окна и пыталась закрыть форточку. Рама разбухла; шпингалет не доходил до отверстия. Я видел, что нужно приподнять створку за нижний угол, но продолжал сидеть. Мне хотелось, чтобы Нина попросила. Тогда я встал бы, закрыл окно и, возможно, сумел бы начать разговор.

Она справилась сама.

— В субботу к Вере поедем? — спросила она.

— Посмотрим.

— Она просила ответить сегодня. Ей смену менять.

— Значит, поезжай. Я-то зачем?

Нина повернулась ко мне. На ней была домашняя кофта с короткими рукавами, и я вдруг заметил маленький белый шрам возле локтя. Двадцать два года назад она задела этим местом гвоздь, когда мы заносили шкаф в нашу первую квартиру. Я тогда засмеялся: новоселье с кровью. Нина тоже смеялась, прижимая к руке мокрое полотенце. Мы были уверены, что теперь всё наше, даже царапины.

— Затем, что ты её отец, — сказала она.

— Очень содержательный ответ.

Нина убрала мою нетронутую тарелку в холодильник.

Так закончился ещё один разговор, в котором я собирался сказать что-то важное.

Мне было сорок семь. Я работал в городском архиве, восстанавливал старые фотографии: убирал пятна, соединял разрывы, возвращал лица людям, чьи внуки порой не знали их имён.

Работа мне нравилась. Особенно нравились заказы, где никто не стоял за спиной и не объяснял, каким именно должен получиться его покойный дед.

В последние годы я всё чаще задерживался. Дома было слишком много вещей, которые следовало решить. На работе — только те, за которые платили.

За неделю до этого умер мой отец.

Мы не разговаривали восемь месяцев. Никакой большой ссоры не было. Просто однажды он опять спросил, сколько я получаю, и опять объяснил, как распоряжался бы моей жизнью. Я сказал, что позвоню позже. Позже стало привычным сроком.

Он умер во сне. Эту подробность люди произносили с облегчением, будто я мог распорядиться ею вместо всего остального.

В его квартире я нашёл коробку из-под настольной лампы. Внутри лежали негативы, часы без ремешка и шесть тонких тетрадей в общей серой обложке. Отец работал фотографом. Я ожидал найти записи о проявителях, но на первой странице было выведено: «То, что говорит моим голосом».

Шесть слов шли столбцом: страх, желание, долг, привычка, надежда, любовь.

Я перелистал несколько страниц. Почерк везде был отцовский, с его сердитой перекладиной у буквы «т». Записи обрывались на полуслове, продолжались возле полей. На одном листе он описывал, как целый час не решался войти к начальнику; на другом — как заставил мою мать отказаться от поездки к сестре. Подробности были неприятно узнаваемыми.

Внизу последней страницы первой тетради стояло: «Если отводишь силу, она не забирает с собой последствий».

Я закрыл обложку. Отец умел давать указания даже после смерти.

Ночью Нина быстро уснула, отвернувшись к стене. Я лежал рядом и собирал обвинительную речь. Она слишком часто говорит со мной как с провинившимся. Вера звонит лишь тогда, когда ей что-нибудь нужно. На работе мной пользуются. У отца всегда получалось заставить меня почувствовать себя маленьким.

Каждая мысль была справедлива, пока я рассматривал её отдельно.

Потом Нина во сне передвинула руку и коснулась моего запястья. Я замолчал, хотя говорил только внутри головы.

На следующий день в архив принесли снимок свадебного стола. Длинная трещина проходила по лицу жениха. Заказчица, пожилая женщина в аккуратном берете, попросила убрать трещину, но оставить пятно на скатерти.

— Вино пролили, — объяснила она. — Он хотел под стол спрятаться. А отец его заставил сидеть. Вот это пусть останется.

Я включил лампу. И увидел, как от её руки к фотографии протянулась тонкая янтарная полоса.

Сначала решил, что это отражение. Подвинул свет, снял очки. Полоса осталась. Она не лежала на столе и не висела в воздухе; скорее, это был ясно различимый путь между двумя вещами. Там, где женщина прижала снимок пальцами, свет густел.

— Вам плохо? — спросила она.

Я сказал, что не выспался.

До конца дня я видел ещё пять цветов. Серый шёл от начальницы к запертому шкафу с документами проверки. Красный вспыхивал возле телефона Антона, моего напарника. Синий лежал между уборщицей и ведром, которое она всё время отодвигала, чтобы пропустить людей. Зелёный тонкой дугой держался над девочкой, ожидавшей в коридоре мать. Белый связывал охранника с чашкой: он пил из неё через равные промежутки, не глядя.

Я не понимал, что вижу. Самое удивительное было вечером.

Нина чистила яблоко. Янтарный свет дрогнул между её ладонью и дверью, за которой я снимал обувь. Потом появился серый. Я ещё ничего не сказал, а он уже был.

— Что? — спросила она, заметив мой взгляд.

— Ничего.

Я пошёл в ванную и посмотрел на себя в зеркало. Отражение было обычным: уставшее лицо, влажный воротник, седина у висков. Потом от моей руки к защёлке потянулась серая нить. Я хотел запереться, хотя никто не собирался входить.

Я вспомнил первую запись отца: «Увидеть — ещё не значит понять».

Следующие дни я ходил по городу с ощущением, что мне наконец показали изнанку чужих поступков. Разговаривая, люди порой скрывали раздражение, но красный свет выдавал их желания. Или я решил, что выдавал. Женщина у кассы улыбалась продавцу, а серая нить тянулась к её сумке. Я уверенно подумал: боится, что не хватит денег. Она достала из сумки переноску с котёнком и спросила, можно ли поставить её возле батареи.

Я постарался забыть этот случай.

Тетради лежали у меня в нижнем ящике. Ночью я читал первую, посвящённую страху. Отец писал о нём с ненавистью, которой никогда не показывал другим. Он боялся оказаться ненужным. Боялся начальства, бедности, больницы. Боялся, что мать встретит кого-нибудь лучше. Из этой последней боязни выросла большая часть моего детства.

На пустой странице было углубление от карандаша. Я поднёс лист к лампе и прочёл: «Я не хочу больше бояться».

Ниже, на обороте: «Пиши только то, чего действительно хочешь. Услышано будет всё».

В пятницу Антон сообщил, что снова поставил свою фамилию первой под нашей общей работой. Он объяснил это требованиями отчёта. Я кивнул. Внутри у меня уже начался привычный спор: возмутиться, потерпеть, не портить отношения, потом всё-таки возмутиться, но когда будет поздно.

Домой я вернулся злой. Нина спросила, что случилось. Я ответил так резко, что она вышла из кухни.

Я сел перед серой тетрадью и долго смотрел на чистый лист.

Меня никто не заставлял. Мне не обещали счастья. Я просто устал каждый вечер придумывать, что должен был сказать днём.

Я взял отцовский карандаш и написал: «Я не хочу больше бояться».

Грифель не оставил следа. На бумаге осталась только вдавленная строка.

В соседней комнате что-то упало. Я даже не повернул головы.

Глава 2. Под козырьком

Утром я впервые за много лет не проверил карман с ключами, уже закрыв дверь.

Я помнил, что положил их туда. Этого оказалось достаточно.

На лестничной площадке Раиса Семёновна ловила ручку тяжёлой сумки. Я отнёс покупки к ней в квартиру. Она поблагодарила и напомнила, что во вторник мы собирались в расчётный центр: в её квитанции третий месяц появлялась чужая задолженность.

— В десять, — сказал я. — Помню.

Я ещё умел помнить обещания.

В архиве Антон сидел за моим столом и показывал начальнице отреставрированную панораму площади. Я сделал большую часть этой работы. Он собирался рассказать о ней на городском семинаре.

— Подожди, — сказал я.

Антон замер, держа мышь двумя пальцами.

— На слайде должно быть две фамилии. И выступаем вместе.

Он посмотрел на начальницу.

— Павел, ну мы же обсуждали…

— Мы обсуждали сроки. Фамилии ты поменял сам.

Я слышал свой голос. Он был негромким. Я не подбирал его тон, не вычислял, насколько обидится Антон. Начальница попросила показать исходные файлы. Я показал.

Через десять минут вопрос был решён.

Я вышел в коридор и засмеялся. Поразительно: столько лет я тратил силы, чтобы не произнести несколько простых слов.

В обед позвонила Вера. Я ответил сразу.

— Поедем с мамой в субботу, — сказал я. — Только до этого мне надо с тобой поговорить.

— Что случилось?

— Я в последнее время паршиво себя веду.

Она молчала так долго, что я проверил экран.

— Пап, ты точно сам звонишь?

Мы проговорили двадцать минут. Раньше я считал такие разговоры трудными. Теперь трудность словно сняли вместе с упаковкой.

После обеда я пошёл в другой корпус за негативами. Путь проходил под бетонным козырьком у старого входа. Его огородили лентой ещё осенью, но ветер сорвал один конец. Я остановился, чтобы поднять его.

Сверху посыпалась песчинками сухая крошка.

Я поднял голову. По нижней стороне плиты шла неровная трещина. Она казалась тёмным корнем, проросшим сквозь бетон. Возле края торчала ржавая арматура. Я видел, что стою в опасном месте. Мог бы объяснить это другому человеку, нарисовать схему разрушения, указать направление падения.

Но тело не сделало ничего.

Мне было интересно, как давно трещина дошла до крепления.

— Отойдите! — крикнула Лена, новая сотрудница читального зала.

Она схватила меня за рукав и рванула к двери. Я потерял равновесие. Кусок бетона размером с кирпич ударил в ступеньку позади меня.

Несколько секунд мы смотрели на белую пыль.

— Вы оглохли? — спросила Лена.

Она дрожала. Я поднял папку, выронил один негатив, нагнулся за ним. Лена оттолкнула меня внутрь.

— Да оставьте вы свои бумажки!

Я хотел сказать ей, что теперь всё в порядке. Потом увидел её руки. На указательном пальце была свежая ссадина: она задела дверь, вытаскивая меня.

Начальница отправила меня домой. Я пытался объяснить, что не ударился головой. Объяснение прозвучало неубедительно даже для меня.

По дороге я трижды переходил улицу. Перед третьим переходом поставил на телефоне напоминание: остановиться, посмотреть налево, направо, снова налево. Я прекрасно знал правила. Пришлось использовать их вместо отсутствовавшего движения внутри груди.

Дома Нина промыла царапину на моём запястье. Я не помнил, где её получил.

— Ты правда ничего не почувствовал?

— Я понимал, что плита может упасть.

— Я спрашиваю, что ты почувствовал.

Я не нашёл ответа.

Вечером мы всё-таки поехали к Вере. За столом я рассказал о споре с Антоном, умолчав о козырьке. Нина не стала меня поправлять. Вера слушала и улыбалась. Потом показала нам своё новое жильё — комнату с неровным полом и высокими окнами. Хозяйка позволила перекрасить стену. Дочь выбрала жёлтый цвет и теперь сомневалась, не будет ли слишком ярко.

— Будет хорошо, — сказал я.

Я действительно так думал. Зелёная нить держалась между нами и стеной, которой ещё не было.

Возвращаясь, Нина взяла меня под руку. Я почувствовал нежность и сразу следом желание рассказать ей правду. Оно было таким сильным, что я остановился возле подъезда.

— Я нашёл у отца тетради.

Она выслушала всё: про цвета, про фразу, про отсутствие страха. Не перебила, не засмеялась. Только попросила:

— Покажи.

Дома я раскрыл первую тетрадь. Нина провела пальцем по вдавленным буквам.

— Я вижу слова, — сказала она. — Цветов я не вижу. Что бы это ни было, с тобой происходит что-то серьёзное. Давай обратимся за помощью.

— Ты думаешь, я сошёл с ума?

Она посмотрела устало.

— Я думаю, сегодня тебя вытащили из-под падающей плиты. Мне достаточно этого.

Мы договорились, что я запишусь к врачу и до этого перестану проводить опыты. Я дал согласие легко. Мне было приятно, что она беспокоится.

Ночью я дочитал первую тетрадь. На последних страницах отец описывал похожий день. Ему удалось войти к начальнику, добиться перерасчёта, отказаться от унизительной подработки. А вечером он не почувствовал ничего, когда я, семилетний, ушёл со двора и не вернулся вовремя.

Он записал: «Искала она. Я ел».

Мать тогда нашла меня у разобранного фонтана. Я помнил, как она несла меня домой, хотя был уже слишком тяжёлым. Отца в этом воспоминании не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.